

Снег — мой преданный собеседник.
Одиночество — на виду.
Я, свободы любимой пленник,
паутинку себе плету

из снежинок, мерцаний света,
из надменного хрусталя.
Неестественная планета
ждёт естественного меня.

Голоса несусветной былью
тонут в хаосе городском.
Ночь, расшитая снежной пылью,
точно занавес — за окном.

Александр Петров

**Снежный
шепот**

**Челябинск,
2003**

УДК821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)
П-31

П-31 Петров А. П. Снежный шепот, Стихотворения. Челябинск, 2003 — 100 с.

Новая книга стихов миасского поэта Александра Петрова тревожна и философична. Открытость, обнаженность чувств и строгость формы стиха создают удивительное сочетание несочетаемого.

ISBN 5-93162-019-7

УДК821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)

© Петров А. П., 2003 г.

Сомнительное счастье не спасёт
от одиночества. Пронзительная осень
гербарий памяти услужливо несёт,
когда о том её никто не просит.

Вечерний сумрак смывает грим с лица.
Ночная свежесть успокоит сердце.
Душа скользнёт в немой колодец сна,
скупой любовью не желая греться.

Сеть ревностно недремлющих очей,
капризный тон обиженной гордыни...
Оазисы украденных ночей
плывут над
 болью выжженной
 пустыней.

КАРУСЕЛЬ

Что из того, что я кручусь? Крупой
вокруг меня одни и те же лица.
В калейдоскопе хрупкою тропой
иду в цейтноте жизненного блица.
Удары пропускаю. Раны скрыв,
я Смерть достану в этом диком кроссе,
и вместе с нею мы уйдем в отрыв
и затаимся на осеннем плёсе.
И мимо будут плыть не облака, —
картины прошлого (которые налево),
по логике, прозрачные слегка —
что акварели творческого чрева:
навстречу им (направо, т. е. к нам) —
«равно»великой расы изотопы,
скользящие на помощь бурлакам,
оставив в двадцать первом улье соты
несчастливым соплеменникам своим
на радужном от смога небосклоне...
Мой не бессильем вымученный сплин
меня толкает в карусель погони.

Капризное тщеславье?
Давно переболел.
Живу среди разнотравья,
не втопан — значит, цел.
Не страшно и не странно,
боль не видна моя.
Лови, душа-мембрана,
глас из небытия,
не отнимай у жизни
вниманья на себя.
В крутой судьбе отчизны
отыщется струя
животворящей влаги —
для нанесённых ран.
Забудут о ГУЛАГе
Москва и Магадан.
Другие поколения
с колен поднимут Русь.
Я не боюсь забвенья —
обузой стать боюсь.

ВЗГЛЯД НА ИСТОРИЮ

Перрон отходит вглубь. Вернусь назад —
перрон всплывёт, но что-то изменилось.
Часы, обременившие фасад
вокзала, мне окажут милость,
отметив глубину невозвращения.
Мы на поверхности истории всегда,
и скучно не признать, что погруженья
в итоге выливаются в года.
Стареет даже камень; по нему,
скупому праху всех цивилизаций,
мы отмечаем юбилеи, посему
и археологи в чести у разных наций.
Реликвии музеев — под стеклом.
Когда-нибудь мой черепок иль скальпель,
что бился с ним под неживым углом,
вернутся экспонатами; искатель
обласкан будет неким меценатом
и лавры примет за дары эпох.
Но что им даст мой расщеплённый атом,
мой взгляд из века нынешнего, вздох?
Пока я жив, истории не лъщу,
топчу перрон за вечную сонливость.
И в будущем, и в прошлом не ищу
своих инициалов за болтливость.

ПРЕДМАЙСКИЙ ВЕРНИСАЖ

Весенний дождь — в стекло.
Расплывчатые лица.
Гвоздики на углу —
предпраздничная блажь.
Троллейбус — вой и дрожь,
сквозняк и поясница.
Витрины, фонари.
Законченный коллаж.
Кипящее шоссе.
Зонты и капюшоны.
Сплошные волдыри
на серой коже луж.
Элитные авто.
Миасские пижоны.
Предмайский вернисаж
бесперспективных душ.
Гармошка-дверь стяхнёт
оцепененье взгляда,
соединив, как шлюз,
пространство двух миров, —
и женщина извне,
располагаясь рядом,
шуршанием плаща
мою согреет кровь.

ВЕСЕННЕМУ ПРИЗЫВУ 1997 ГОДА

Юнцы, колени расшеперив,
загривок бритый оголив,
пересыпая матом перлы,
бездействуют под сенью ив.
Смешные цели надоели,
серьёзные — не по плечу.
Пугает теснота шинели,
коверкающая мечту.
Кого прельщает блеск регалий,
кого — «капуста», сеть «люблю».
Я обхожу костёр желаний,
вниманьем старческим не злю.
Невероятные интриги
их ждут на скоростном кольце.
Поди узнай Толстого, Грига
в неоперившемся юнце.
Необъяснимая надежда
увянуть мысли не даёт:
Россия выпрямится прежде,
чем смерть кудрявого найдёт.

Возвращаюсь в осень, освещённый снегом,
съеденным в апреле дождиком весны.
Притаилась верба золотистым светом,
боль потерь сильнее чувства новизны.
Возвращаюсь в осень; вновь открылись раны,
не прижёт их холод, бинт метель не скрыл, —
залижу, покуда спит восток багряный:
на тропу вернуться должен полным сил.
А весна играет: и ручей, и птица,
не сдержав эмоций, вьются в унисон.
Молодым и старым поутру не спится:
глупая надежда отнимает сон.
Узнаю кустарник, без листвы колючий,
узнаю тропинку по узлам корней.
Щуря глаз, безмолвно за лиловой тучей
следую — сегодня этот путь верней.
Тень её надёжней, влага ближе к телу,
выкрутасы солнца мне не по нутру.
Осенью реальней чувствуешь пределы —
голос беспредельности в памяти сотру.
Помоги мне, осень, справиться с весною,
грязь осенней вестью мне преподнеси,
позашорь мне очи лиственной золою,
от кудрявой зелени плесенью спаси.
Вздор, наружу прущий, обуздай сомненьем,
ухмыльнись улыбкой голых тёмных роц.
Разочарованье — бич не поколенья, —
Родины, лелеющей солнечную ложь.

22 СЕНТЯБРЯ

День осеннего равноденствия,
мысль цепляется за часы.
Не догонит меня гран-пенсия,
гонорар желторотой весны.

Перспектива ночей, колодцами
уходящих в небытие,
очевидна, и дня без лоции
не найти уже в ноябре.

Равноденствие, половиночка —
до заката рукой подать.
У виска бьётся лучиком жилочка.
Пахнет ладаном благодать.

ЭКЛОГА (осенняя)

Притворно-приторный зевок
околицы со взбитым стогом,
пленённым выгоном и логом,
опровергал высокий слог
о русской убранной деревне
с калиной красной под окном,
от сглаза стерегущей дом,
согласно местному поверью.

Туман над тихою водой
парно клубился, открывая
мосток у баньки, уток стаю,
меня, сидящего с удой
осенним утром у затона...
А завтра вновь заморосит,
но ненадолго, — бог простит
меня, безбожника с кордона.

Еще на парочку недель
я буду равен всей природе —
как тот камыш, как листик вроде,
что выброшен рекой на мель.
Сезон дождей сместится к югу,
и гомон перелётных птиц,
упавший было клином ниц,
мерещиться не будет лугу.

Не все поэты умерли;
их голоса звучат...
Я втягиваю сумерки
соломинкой луча.
Мне б толику их зрячества
с серебряного дна,
неброского изящества
скупого полотна.
Перо, любовь к словесности
сквозь сутолоку дней
и прозу неизвестности
неси, не оскудей!
Обиды пылью времени
представь, смахнув с листа,
дай насладиться бременем
Судьбы, то бишь креста.
Я наступаю паводью
на тину прошлых лет,
перебиваясь падалью
сенсаций из газет,
карабкаюсь ступенями
по циферблату дня,
обросшему безвременьем,
как сплетнями — родня.
А утром небо синее
плывёт издалека,
и вся долина — инеем,
как сединой — щека.

ЖРИЦА ЛЮБВИ

Не обещай. Сомнения крупница
задушит изнутри, лишишься сна.
Порхай над головой, кружи волчицей,
не бойся наказания Христа.
У вероломства есть свои законы:
зови, не подпускай, томи собой,
прислушивайся, искренни ли стоны,
достаточно ли выстрадана боль.
Не обещай, чтоб не жалеть, не биться
в отчаяньи за совершённый шаг.
Ты — не змея, а истинная жрица
Любви, моя стоокая Душа.

ЛЕБЕДА-СТРОКА

Я — в безденежье.
Нету выхода.
Жизнь скупа.
Не уюту жду,
мне прибежище —
выше лба.

От отчаянья
не скули — твердил.
Сорвалось.
Не жалей меня,
ибо я не мил,
лучше брось,

жизнь бескрылая,
я ужом-змеёй
днесь ползу,
раздави меня
удивлённым «ой»
не по злу,

а нечаянно,
как заря звезду
в ранний час,
чтоб вернулся я
на обрыв-тропу
и кого-то спас

от отчаянья,
лебедой-строкой
подказав,
что не жизнь скупа,
это мы порой
ниже трав.

Не искушать, а искушённым быть.
Не чью-то жизнь присутствием разбить,
а собственную пропастью проверить.
Лететь в объятия страсти мотыльком, —
в груди отчаянья солёный ком
взорвётся, распахнув все мыслимые двери.
Польнью на обветренных губах
прогоркло наследит животный страх
пред неизвестностью любви и смерти.
Двуликий образ вечно предо мной.
Дыханье ночи чувствую спиной,
от прошлого — осадок круговерти.
Судьба всегда маячит впереди.
Желание, сомненья упреди,
любовь укажет верную дорогу.
В глазах судьбы звездой сияет честь.
Узлов на длинной памяти не счесть,
они рождают смутную тревогу.

Я без паузы — тенью вслед.
Ох, не мастер плести интриги.
Я хочу свой бессвязный бред
в Ваши руки подобьем книги
принести и шептать, шептать,
тишину прошивая слезами...
Кем ниспослана благодать
видеть Вас, любоваться Вами?
Обаяние — колдовство.
Обессиленный, замираю.
Если каждая — божество,
я хочу Вас (читайте — таю
тихим словом, свечой у ног,
отражением зазеркальным).
Вы не верите? Я продрог
в ожидании аномальном:
век условностей позади.
Телефон обжигает руки.
Не томи, позвони, позови,
но — пронзительный стиль разлуки
держит Души на высоте:
расстояние обостряет
чувство голода. Вы — не те,
«Вы» условностей не стирает.
Выбирая свою петлю,
шаг за шагом — к мечте. Поверьте,
я так преданно Вас люблю,
что отказа боюсь, как смерти.

НЕ ПРИБЛИЖАЙСЯ

Не приближайся! Я тебя боюсь.
Издалека твоей хватает зыби.
Ещё чуть-чуть, и я в тебя влюблюсь.
Ты чувствуешь? Моя Душа — на дыбе,

и будет сломлена. Не дожимай,
не приближайся, отпусти на волю.
Мой крик отчаянья похож на лай:
в капкане я, ты делаешь мне больно.

Зачем тебе бескровная Душа,
моя Душа, имеющая тело?
Не приближайся! Я, едва дыша,
шепчу о том, чего бы не хотела.

Воронкой, паутиною — слова,
они всегда меня лишали силы.
Ты говоришь — и кругом голова.
Не приближайся! Не души, мой милый.

ВОЛНОЛОМ

Семизвёздную печалью
оку́жён и пора́жён,
На упрёк не отвечаю.
Я любовью обо́жжён.

Всхлипы клапана на вдохе —
плачет, видимо, Душа,
проглотив на нервном вздохе
ком обиды как ежа.

И без тонкостей хреново,
а подробности добьют.
Сердце в роли волнолома
беспощадно волны бьют.

У кого-то сердце — камень,
у меня — сплошной ожог.
В Душу — с грязными ногами,
и не только. Нервный шок,

аритмия, сердце бьётся,
разрушая волны зла,
а вздохнуть не удаётся,
и горит оно дотла.

Погаси его молчаньем,
полным штилем успокой,
и любви легчайшей дланью
очи милые прикрой.

Я твоим дыханьем стану,
мыслью в шёлковой канве.
Я спою тебе Осанну,
что давно звучит во мне

семизвёздную печалью...
Окружен и поражён,
на упрёк не отвечаю —
я Любовью обожжён.

Язык костра в дождливый день,
роса на высушенной коже —
во всём твоя таится тень,
моё достоинство тревожа.

Волною лето смое след,
увязнет эхо в серых лицах,
и даже имя растворится
в криволинейности сует.

Но, убелённый сединой,
замечу, в жизнь играя с тенью:
я мысленно навеки с той,
что озарила путь забвеньем.

Зеркальной капелькой молчанья,
непроницаемой для Душ,
плыву до станции отчаянья,
в бесполоую седую глушь.

Твои сюжеты возвращенья
с обвалом сочных мелочей
таят акценты всепрощенья,
бомонд саврасовских грачей.

С оттенком зависти и боли
смакуешь горький палимпсест,
сентиментальность пуда соли
обезоружила протест.

Так, отрекаясь от осколков
печали прошлых витражей,
ласкаешь острою иглой
занозу, на манер бомжей.

И не восполнить той утраты
накала событийности,
бледнеют счастья дубликаты,
как будто в паре — травести.

На белых пятнах спотыкаясь,
гарцует память, сбив слегка
обида пыль, молчанья ярость —
гарцует, сбросив седока.

Кто ты, Ангел или Смерть,
что стоишь у изголовья?
Мне не страшно умереть,
но за что ей участь вдовья,
той, которая взяла
в руки голову седую
и безропотно снесла
грубость и молву худую,
той, которая, приняв
Душу без намёков тела,
выдержала жёсткий нрав,
боль обиды претерпела?..
Ты, которая в любви
отказалась от любви,
в сети вдовьи не лови,
отойди от изголовья.
Как мне стыдно перед той,
что стоит под образами!
Кто ты, в тёмном? Стыд мой смой,
но не вдовьими слезами.

Я ночевал на облаке.
О, как я почивал!..
Она... Амур молчит
и в тайне держит имя.
Но до сих пор горящая
щека хранит овал,
а значит, и Она
хранит меня отныне.

В тугой спирали памяти
отыщется кольцо,
где облако начнёт
движение к пуповине,
и цитрусовый бриз его
прозрачное лицо
предъявит как мираж
оазиса в пустыне.

Ты готовишь побег,
он не будет внезапным.
Невозможно понять,
чем ты дышишь во сне.
Снег прошедшей зимы
холодком привокзальным
затаился в глазах,
недоступен весне.

Я не вижу к тебе
ни единой ступени
и кружу без надежд,
неустанно шепча.
Я готова обнять
и ступни, и колени,
но молений слеза,
как упрек сгоряча,

от холодной стены —
в пустоту рикошетом.
Что мне спеть, чтобы ты
вышел нежным из сна?
Я касаюсь тебя
обезумевшим светом,
ибо тело моё
кто-то сводит с ума.

Ты боишься огня,
темноты избегаешь,
автономно паришь,
никого не любя.
В одиночестве мир
безопасней — ты знаешь,
но когда-нибудь тре-
снет твоя скорлупа.

РАЗРЫВ

Логично, не врасплох — разрыв с тобой.
Сожительство тупей ножа любого.
Не виновата счастья подкова.
Стена, и даже угол, в смысле крова,
имеет вид развалин, где любой
прохожий, более того, кобель,
распишется, владенья расширяя,
без злого умысла, не козыряя,
не утверждая, но и не теряя
из поля зренья. Наша канитель,

вообще-то, всем — «до фени», посему
рублю сей узел гордиев — и точка.
Не оживёт отторгнутая почка.
Фальшивая погубит песню строчка.
Коробит звук металла по стеклу.
Сад разбивая, мы имели вид
на урожай, но тень в июльский полдень
реальнее сентябрьских полотен.
Я вероятнее всего бесплоден
на творческой стезе, не индивид.

Удавкою — навязанный режим.
По параллели с милою природой,
я — гололёд; сомнительной опорой
ты увлеклась по молодости, пробой
разочарована. Как часто мы спешим,
случайный дар себе во вред боготворим.
Тебя избавлю я от неудобства.
Расслабишься без этакого скотства.
Мои недоумения от сходства
исчезнут вместе с именем твоим.

Боготворя и воздая,
и с той же страстью низводя
за то, что слушала — зевая,
впускала — дверь не затворя,
не дорожа, не изнывая,
на долю жизнь переводя...

Хрусталь тускнел. Река мелела.
На зеркала садилась пыль.
А сердце, булькая, не пело,
не настораживал ковыль.
Ничто, казалось, не скрипело
и плавно уходило в быль.

О, взгляд сквозь взгляд, о, рук безрукость,
паучья сеть без паука,
и сухость губ, и просто сухость,
почти безадресность кивка.
И ледяной спины упругость,
живая полость тупика.

Всепоглощающая серость,
опустошающий ремейк,
несокрушимая нелепость,
немая цитадель семей.
Я покидаю эту крепость.
Гипноз окончился, Орфей.

Мне только кажется, что я иду своим путём —
моим он станет только после смерти.
Как я беспомощен пред собственным чутьём,
неуловимым в этой круговерти!

Весь фейерверк желаний натошак гашу легко,
но что с того? Как дальше жить — не знаю.
Всё слишком мелко, всё, к чему влекло,
не привлекает: страсти нет, есть воля, злая

по отношению к сознанию стать собой.
Что — независимость? Бездушная опора.
Я недоволен (эвфемизм) судьбой,
но мой вулкан уgomонится скоро.

Я бессознательно стал вхож в чужие сны,
мне говорят о том, но я — не помню,
не помню собственного тела белизны,
а собственные сны — каменоломни,

нагромождения бесплотные особ:
одни преследуют, другие опекают,
и Что-то мне мешает крикнуть: «Стоп!»,
и Кто-то мне внушает: «Не желаю».

Откуда столько смелости
у вечных должников?
Как не бояться серости
своих мозгов?

Беспечная уверенность
в безоблачную синь —
души младая ветренность?
Пьянящая полынь?

Хочу родиться наново
на шёлковой меже
под локоном каштановым
в кленовом вираже.

Лететь по бесконечности,
отбросив якоря...
Хочу занять у Вечности
миг жизни — для тебя.

Хочу до иступления
всё круто изменить.
Долги — как преступления:
не скрыть, не отменить.

Откройся, Дьявол суженый,
мы оба — хороши.
Поэзия — отдушина?
Воронка для Души.

Политика, история...
Поэты — в дураках.
Земля есть акватория
для Разума. (Плутарх)

ГОРИЗОНТЫ

В саду я как на кладбище, о боже,
ровняю холмики пустых, бог весть, могил.
Печаль свою, задрапированную кожей,
насилую, что выше моих сил.
Пупырышки, невызванные ветром,
шершаво льнут к исподнему, в поту
я преодолеваю метр за метром
кладбищенскую черноту.
Пахнёт дымком: соседский «крематорий»
мне ест глаза; чужою пятернёй,
вонючей от назьма, ищу в заборе
отдушину, задушенный тюрьмой.
Четыре заболоченные сотки
на Заболоцкого меняю без торгов.
Я задыхаюсь на Земле. О, спазмы глотки!
Мой горизонт — за кромкой облаков.

Солнце в пасмурный день
просочится и вздрогнет:
у подъезда сирень,
необломана, мокнет.
Красота не нужна
ни влюблённым, ни праздным,
очерствела душа,
потакая контрастам.
Пыль роскошных витрин
уживается с молью.
Примитивный интим
называют любовью.
Мы отчаянно ждём
перемены погоды.
Солнце пасмурным днём
шепчет нам: «Идиоты».

Почти нетайное свиданье
с одной надеждой на двоих,
сентиментальные касанья,
экспромтом — вымученный стих,
бравата, жгущая смятенье,
внезапный переход на «ты».
В душе сухая тень томленья,
чуть исказившая черты.
Попытка встать на плот, летящий
стремниной солнечной в туман,
зовущий, алчущий, сулящий
свободу с болью пополам.
Когда бы та река по кругу
могла вернуть к началу дня,
я первым протянул бы руку
сомненьем губящей себя.
Но от раскаянья и боли,
возможных в приступах тоски,
я не спасу. Любовь — неволя.
Любовь, не жди моей руки.

Скоро выпадет снег,
станет холодно птицам.
Люди тихо уйдут
от мороза в дома.
Только я от мечты
не успел удалиться
и смотрю, как ползёт
по долине зима.
Я весной доверял
беззаботной кукушке,
ожидая любви
снегирей в ноябре.
Желатиновый блин
на воздушной подушке
неподвижно застыл
в параллельной судьбе.

Чёрно-белый контраст
обеззвученной рощи
отразится в зрачках
сетью мелких морщин.
Невзирая на вкус,
мы возьмём что попроще,
снизив планку мечты
до сугубых причин.
Просыпаясь в ночи,
ты вздохнёшь одиноко,
и часы в унисон
пропоют обо мне.
Вслед за мною трусит
воровато сорока.
Я тебя не отдам
этой ночью Зиме.

Тесты счастья близоруки.
С расстояния любви
одиночество от скуки
по брожению в крови
отличаемо, но сердце,
субъективностью греша,
не обходится без перца
или колкости ежа
в абсолютно безупречных
отношениях тет-а-тет.
Не сомнения извечны,
а обиды на запрет.
Почему «нельзя» весомей,
чем желание иметь?
Греться собственной персоне
несомненное, чем греть.
Близорукость интуиций
отравляет бытиё.
Ярость алчущих амбиций
направляет остриё
выпада на сук, на камень,
на объект своей любви.
В том, что счастье — призрак, сами
мы повинны. Се ля ви.

МАСКИ

И, оглянувшись кругом,
я увидел, что время было
моим единственным современником.

Ф. Ницше

«Так говорил Заратустра»

Нет в этом мире лучшей маски,
чем испещрённый прошлым лик.
Мне в пятьдесят не надо краски:
к хамелеонству я привык.

Поди узнай во мне мгновенье.
Лицо — не зеркало души.
Я — отражение сомненья
без права этот мир смешить.

Вы можете придумать сами
название к сотне моих лиц,
и в каждом преткновенья камень
вспугнёт невольно стаю птиц,

решивших было пригнестись
на поседевшей голове.
Когда б я мог всем вам присниться
в окутавшей меня молве, —

вы б ужаснулись: призрак боли,
любовь — в отрепьях, лишь глаза
горят — как символ Духа, воли.
За скобки мира прячусь, за

действительность и современность.
Печать веков лежит на мне.
День презираю за надменность,
а в ночь с душой наедине

брожу по местным закоулкам
и по нездешним временам,
извне прислушиваясь к гулким,
за тенью вечности, мирам.

Полуобморок зевка.
В горле пепел отрицанья.
Унизительность кивка,
компромисс непониманья.

Распылившиеся в дне,
вещи взгляд не тронут ночью.
И достаточно вполне
тишины из многоточий.

Не касаясь, вдоль листа,
мысли считывать сознаньем,
неопрятные места
метить их же угасаньем.

Чистоту сводя к нулю
и сворачивая время
от апреля к февралю,
обнаруживаю семя

инородного тепла
в ожидаемом пространстве,
в интуиции угла
мысли мнится тень тиранства.

Параллельность двух свобод,
суверенность матриц эго.
Не востребованный свод,
а парная нега снега.

ВЕТЕР

Он налетел не сразу. Сосны мирно
косились на подросший молодняк.
Сухая тень вытягивалась длинно,
сочилась на тропу сквозь березняк.

Март отступал, вылизывая корни
шершавым языком. Апрель отстал.
Затишье — признак близости погони.
Дыханье — юго-западное. Шквал!

Атака — сверху, снег последний — в жижу,
хвоинки рыжие — на перегной.
Я ненавижу ветер, ненавижу!
Холодный, тёплый — всё равно какой.

Наглец непрошенный, во все суётся щели,
назойливая тварь, свистит в ушах.
Как мне исчезнуть с этой параллели,
чтоб шупалец его не чуют в швах,

чтоб никогда лицо своё не прятать,
не щуриться, не пятиться, не рвать
застёжки телогреек? Что мне слякоть!
Я ненавижу в жизни отступать.

Летящий параллельным курсом сон
втянул меня со всеми потрохами
и перебил мой заунывный стон
изящными и лёгкими стихами,
невесть откуда нисходящими — как тень
в полуденное пекло летозноя,
когда желанья умирят лень
и пылью в состоянии покоя
беспечно дремлют мысли в голове.
Логически неплотной паутиной
стихи озвучивали мир извне —
эклогой? пасторалью? каватиной?
Не передать той музыки в душе
на языке ущербной нашей речи
с её непревзойдёнными клише,
нивелировкой признаков увечья.

В ЦЕЙТНОТЕ

Друзей хороним сообща —
всем миром.
Душа, как струйка из свища,
выходит сиро.
Надрывный плач по нервам бьёт
и крышке гроба.
Душа над кладбищем плывёт
белей сугроба
и невесомей, холодней —
вне измерений,
доступных нам, и мы под ней —
смешные тени.
Нам преимуществ не узнать —
и слава богу.
Еще успеем камнем стать,
устлать дорогу
зелёной хвоей, круглый год —
дань кипарису.
Помянет водкою народ,
шепотью риса.
Смерть, как заметил Губерман,
не лотерея,
и очерёдность скрыта там,
а здесь, старея,
мы по инерции живём —
в цейтноте (все ли?),
флажок упал, и с каждым днём
мы ближе к цели.

СНЕЖНЫЙ ШЕПОТ

Какие нынче выпали снега!
Трава не скоро вылезет наружу.
Я за тобой слежу издалека.
Гордыня разъедает душу,
обида точит. На дела — плевать.
Вернуться к разговору всё сложнее.
Постфактум: нам не надо воевать.
Чуть-чуть терпимее, чуть-чуть нежнее...
Но раздражает вечный компромисс.
«Любовь обременяет» — аксиома.
Уступки — камнем. Прекрати, уймись!
Те камни — суть любого дома.

Татьянин день. Мороз исподтишка
затягивает льдом крещенские купели.
Пои собой любимого дружка,
чтоб не познал он лучшей колыбели,
чтоб горизонтом — линия бедра,
теплом земли — тепло твоих ладоней.
Прижми его к источнику добра,
чтоб не познал он полыньи бездонней.
Твой аромат есть аромат любви,
он символ счастья, эталон блаженства.
На подвиги его благослови,
яви гармонию и совершенство.

По липовой аллее, не спеша,
вхожу в любимое, признаться, время суток.
Весьма прохладно. Я, едва дыша,
себя впечатываю в сумрак
и напрягаю зрение и слух.

Полночный снег сентиментально нежен
до хруста под ногами — словно пух...
в ложбинке матовой. Но ты со мной всё реже.
И гаснет мой маниакальный бред
в черновиках, не достигая цели —
твоих ушей, не помнящих обет,
мною брошенный на пьедестал постели.

Мерцают звёзды. Полная луна
качает тени на снегу. Сугроб молчанья
в преддверии неискреннего сна
лежит в ногах казённого желанья.
Расходимся. В несмежные миры.
Банально уступая прагматизму.
Непробиваем панцирь мишуры,
и тщетно внемлет Мнемозина атавизму:
ей память не вернёт тех звонких дней,
когда весна шалила с подсознанием
и наши чувства были зеленой,
чем всей планеты майское дыхание.

А нынче на зубах морозный хруст,
и холод медленно вползает в тело.
Озноба нет, я идеально пуст,
всё вымерло, что некогда болело.
Зачем живу? Кому служу, сосуд,
закончив миссию самца на этом свете?
Мне абсолютно безразличен суд
живущих параллельно. Вздогнут дети,
споткнувшись о знакомый алгоритм
в каталоге родной библиотеки.
Долг соразмерен, миг неповторим.
Живу не ради строчки в картотеке.

Я обхожу заснеженный фонтан,
затерянный, заброшенный, забытый.
Ну почему мне не поётся там,
где ластится к ногам котёнок сытый,
где кто-то мягко стережёт мой сон,
входя в окно облезлой ночью тихо?

Я задыхаюсь. Асмодея стон
клокочет на губах. Душа-трусиха
моё корёжит тело, я сдаюсь —
и вновь живу. Смерть дышит мне в затылок.
Моя квартира — это некий шлюз
из бытия в небытие.
Мир слишком зыбок.

Собака верно крутится у ног,
поочерёдно поджимая лапы.
Я обхожу вниманьем недотрог,
боюсь ожога псевдохрупкой лампы.
Собачья преданность в негаснувших глазах
дороже благозвучного елея.
Сегодня я нуждаюсь в верных псах,
быть может потому, что я их злее.
Гулять, шептаться и в обнимку спать,
одно и то же чувствовать друг к другу:
покой и нежность, и возможность знать,
что кто-то и во сне твою целует руку.

На перекрёстке тешится метель,
пуская снежные воронки вдоль проспекта.
Я обеззубел от своих потерь
и поседел от мысленных «вендетта!»
Звериный вой и дикие броски
отчаянья на шёлковые стены.
Свидетели насилия тоски
над разумом — благоразумно немые.
Но память вероломно, без стыда,
по времени туда-сюда-обратно,
с учтивостью холёной: «Господа,
любой момент для Вас — экраннократно».

Играя тенью, старенький фонарь
не маятник — меня в снегу полощет
и забавляется, что я, живая тварь,
подвластен свету. Господи, всё проще:
мир — чёрно-бел, жизнь — серая река,

я — островок, спасающий в ненастье
то парочку влюблённых, то врага,
то... Как фонарь, я упиваюсь властью?!
Но боже мой, всего один снежок, —
и я свободен, призрачные нити
исчезнут без следа! Один шажок,
но скольким надо вымолвить: «Простите!»

Подъезда обезличенная дверь,
за ней ещё одна, она роднее.
Мои метанья не приемлет только зверь
в тупом инстинкте самосохраненья.
В ежовых рукавицах бытия
я выполняю функции «шестёрки».
Мои раздумья — бред, галиматья.
Я возбуждаюсь тем, что против шёрстки
собой утюжу благонравный мир.
Наш диссонанс всё яростней и злее.
Мучения — как некий эликсир
Душе-вампирише, что снегов
белее...

Вот так живу и не живу:
сгущаюсь до молчанья капли
и в ожиданьи рандеву
смотрю на мир эфесом сабли.
Клинок тускнеет, солнца нет.
Не кровожадный, жажду страсти.
Не то закат, не то рассвет:
в проёме — небо рыжей масти.
До горизонта тишина,
весна иль осень — всё едино.
Провинция поражена,
и душит парус паутина.

На склоне гор уснула тень —
заморский силуэт роллс-ройса.
И дольше века длится день
героя параллели Джойса.
Висят густые облака,
скрывая солнце от Икара,
и он летит через века...
Полёт его — мечта иль кара?
Не отрываясь от земли,
возможно ли оставить память?
Улиткой в облака ползти
и без следа вдали растаять...

Тряхнув упрямо головой,
уйду сквозь ночь в седое утро,
чтоб ослеплённую совой
вещать о мудрости абсурда.

Я вырублю все эти тополя:
ни капли солнца на моем паркете!
Твоих шагов не слышу на планете —
и злюсь. Прости мне эту злость, Земля.
Я не хочу глотать валокордин,
и валерьянка боль унять не сможет.
Тоска, хандра. Химера мозг мой гложет,
и бесит плесень солнечных картин.
Какой ты щедрый, забалконный мир!
Но скупость одиночества мне ближе
с тех мелких лет, когда я был всех ниже;
(оно — меня, иль я его вскормил?).
Засасывает вечер, сумрак, тень,
немая бездна... Вдох — я в пасти неба.
А где-то, где-то просят зрелищ, хлеба,
и с ними — ты, но до тебя мне — лень.

ПОЛЕТ

Я не выдохся, зря
зеркала огрызаются.
Дикой ночью Заря
на часы озирается.
Это время мое!
Снизойди, озарение,
легкокрылым огнём,
строчкой стихотворения!
Я парю над землёй
независимым Вороном,
неподкупной змеёй
на судьбу коронованным.
Суд земной не гнетёт
душу Демона бременем.
Мой полночный полёт —
по-над Временем.

Умру, когда — достанет,
когда прижмёт, когда
очередной экзамен
на зрелость сдам на «два»,
когда над головою
увидю ледоход,
чтоб талою водою
впитаться в небосвод.

Умру, когда настигнет
ненадобность меня,
когда бесстрастным тиглем
ворвусь в приметы дня,
когда осенний козырь
утратит свой колор,
когда желанье позы
отринет честь — как вздор.

О ВЕЧНОМ

Любовь, засыпая, встречает утро перегаром.
Вода, остывая, превращается в лёд.
Цветы, и увядая, благоухают,
но память их коротка.
Поэтому я отдаю предпочтение звёздам.

Вот и рушится всё.
Всё, о Господи, рушится.
Отработавший зонд —
камнем с облака вниз.
Мир у глотки комком,
тошнотворная лужица.
Видно, вся моя жизнь —
это чей-то каприз.

Не прошу парашют,
мне косынки достаточно,
закружусь, словно лист,
раскачав небеса.
Я ещё не знавал
вкуса райского яблочка,
но поверить готов
в то, что есть чудеса.

Где воздушный поток,
что пушинкою вынесет
мою душу к чертям?
Расступись, добрый люд.
Если мне суждено
стать ошибкою синтеза,
я сгорю на виду.
Как вам этот салют?

Вы хотите жить в саду,
Он, как моль — в пыли ковровой,
я — собакою дворовой
иль хохлатым какаду
среди людей, не равный людям,
обособленно от них —
незначительный, но штрих —
в одиночестве нелютом;
жить свободным от идей,
обязательств, нитей рабства,
от любви и постоянства,
от невидимых цепей,
собирать нектар свободы
на нетронутых полях,
и походкой «на бровях» —
от погони, брани, злобы.
Жить с Душой своей в ладу —
примитивно и убого...
Не бойтесь диалога
Бога с Дьяволом в саду?

ВАМПИР

Похоронив свою мечту живой —
убийца! — умываю руки
не родниковой — лёгкой, дождевой,
надмирной, очищающей от муки.

Украденный Свободой, опьянён,
лечу в туман на удивленном страхе,
как обезглавленный петух в своём
кордебалете — с плахи.

Ужель не встречу ни одной руки,
и не услышу голоса людского,
и не достигну берега реки,
и о любви не напишу ни слова?

За что мне этот высушенный мир,
гербарий душ в оконном переплёте?
Убийца, обездоленный вампир,
плюю на жизнь в предадовом полёте.

Я в безмолвье по колено.
Холодок сжимает грудь.
Отпусти меня, Елена,
вытолкни на верный путь,
вскрой волну очарованья,
отомсти за лёд души,
обожги дугой молчанья,
миражами иссуши,
стань, как тень, неуловимой,
непокорной, как вихор,
болью, мукою любимой,
стань живой водой для пор,
обескровленных за годы
одиначества и лжи,
стань моей последней кодой,
темой, музыкой души,
храмом, домом, тылом, кровом,
гротом, логовом, норой...
Магдалиной — под терновым,
Ангелом — до гробовой.

«Я рождён для потерь».
Харуки Мураками

Не зарекайся: мол, последний шанс,
последняя любовь и всё такое.
Лишь только тот, кто думает за нас,
определит порог волны покоя.

Не объясняй, откуда и куда
идёшь сегодня, встретив луч заката.
Непредсказуема судьба шута,
в ней каждый день — обычная заплата.

Мне не уйти от будущих потерь,
и ты — одна из них, я это чую,
ведь по наитию Поэт есть тот же зверь, —
и боль свою, как зверь, я сам врачую.

Когда саднит надрывами Душа,
агонизирует от адской боли тело, —
сжав зубы, я пишу, пишу, кроша
не карандаш, а стержень жизни белый.

Все резче тёмные круги вокруг глаз —
очковая змея: насквозь всё вижу.
Движение энергии подчас
опережает мысль. Чужая. Ближе, ближе...

Враждебная. Холодная волна.
Уклон — и глыба льда летит куда-то.
Внутри — огонь. Горит ладонь. Близка она,
моя последняя — последняя ль? — утрата.

ОТРАЖЕНИЕ

Твой луч невольно вверг меня в пучину.
Хвостом вильнули комплексы. Поверь,
когда меня имеют как мужчину,
душа произвольно ищет дверь
из замкнутого круга обязательств.
Фантазиям не выжить в тесноте.
Я прячусь от сердечных посягательств
в работе, аскетизме и толпе.
Давлю свои желания повсюду.
Функционально, тело — автомат.
Меня не задевают пересуды.
Я для совместной жизни староват.
Пренебрегая жизнью, я калечу
лишь собственное тело. Я урод.
Я холоден как лёд, делиться нечем.
Я благодарен жизни за урок.
Я по натуре киник, и доволен
тем, что имею, а вернее, — тем,
чего лишён. Любовь есть сгусток боли.
Я в одиночестве спасаюсь от измен.

ТЕПЛАЯ ВОЛНА

На закат текла дорога,
во поле дремал стожок.
Золотистый дар от бога —
тёплый рыженький пушок.
...Нежно и необратимо
волны катят к берегам.
Я тоскую по любимым —
по глазам, губам, рукам
ждушим, требующим, жадным,
жарким, ласковым, немым...
Я тоскую по площадным
оборотикам хмельным,
по неспетым нашим песням,
шелковистым волосам,
по невыдуманнным сплетням,
по рукам, губам, глазам...
Запах рыжей мятой хвои —
ностальгии эталон.
Я тоскую по неволе,
забери меня в полон.

Алой капелькой у губ
промелькнула. Руки — вслед
стонут, плачут и зовут
ту, которой в жизни нет.

Вслед за тенью — в сладком сне,
за виденьем — на миру,
бесприютные, в тоске
руки сохнут на ветру.

Упираясь в сотни глаз,
в пустоту бескрылых мук,
руки помнят, кто их спас
алой капелькой у губ.

И не дождавшись полустанка,
маячившего на пути,
со всей решимостью подранка —
винтом в воздушные струи,
и — вверх, и — ввысь, в полёт без права
посадки на свои, которых нет,
полёт в один конец — не переправа, —
бросок Души на ледящий свет.

То не ветер с тобою играет,
не волна обнимает тебя —
то любовь на устах замирает,
теплотой теплоту утоля.
Придыхание тонет в ладони,
куртизанит с заколкой рука.
Кое-кто кое в ком... Тонем, тонем,
безнадежно и наверняка.

Безусловная условность
нам с тобою не велит
перейти на голословность,
пошлокамуфляжный флирт.

Как бы слиться, не нарушив
чистой струйки родничка?
Наши крохотные Души —
два холодных светлячка.

Не снег — подобье, мелкая крупа;
не жизнь — деньки, один серей другого.
То — черепки вокруг иль скорлупа?
Паденье или взлёт — лишенье крова?

С баулом перепуганных надежд,
готовых прочь рвануть в известной спешке,
я вывожу на валуне седьмой падеж,
не доверяя ни «орлу», ни «решке»

своей судьбы. Крупа, крупа, крупа
летит, скрипит и, в лабиринт втекаая
(по Цельсию — уже вода, раба),
стремится серой стать, мной потакая.

Несовместимость — и борьба за жизнь
(не за свою, своя осточертела).
Я прячу взгляд от ряженных разинь
и отрешенно возвращаюсь в тело.

Сомненья пагубны, и слабость — не к лицу.
Вернуться, боль свою не выдавая.
Присяга — безымянному, кольцу
есть клятва внуку (трём!) — и не слепая.

Осознанно, расчётливо — стоять.
Крупку считать капризами погоды.
Март вытечет, и кол — по рукоять —
осиновый сгниёт, без свеч — за эти годы.

НА ПЕРВЫЙ СБОРНИК

Мой первый оттиск на волне
не памяти, но жизни.
Ему откажут в новизне —
по стилю и по мысли.

Кузнечный молот-автомат
малиновую чурку
лущует. Пьяный пимокат
овечью портит шкурку...

Я тоже пью своё вино
густой литературы.
Родник в лесу буравит дно
струёй мускулатуры.

Неведом птичий резонанс
бетонноградой роще.
Души отвергнутой рассказ —
в блокнотах, что попроще.

Издатель клюнул на меня,
строптивую наживку.
В недоумении родня:
не золотая жилка,

живём бок о бок, не таясь,
одним питаюсь хлебом,
и под ногами — та же грязь,
и сверху — то же небо...

БЕЗ ФРЕЙДА

Независимость обидна.
Я хочу быть уязвим.
Жажда боли очевидна —
но зачем? Адреналин?
Неожиданная пытка —
шанс узнать про свой ресурс.
Я страдаю — от избытка?
Есть сомнения, что трус?
Кто толкает в авантюры?
Для чего мне нужен ад?
Мало статуса де-юре,
подтвердить хочу де-факт?
Идиотские замашки.
Кабы был совсем один...
Но ведь даже Чебурашке
нужен некто крокодил.
Получается, невольно
я зависим от других,
и моё желанье «больно!»
рикошетом — болью — в них.
Мазохист. Не экс, не садо-,
извращенец — не аскет.
Боль — раскаянье — отрада.
Удовлетворенья нет.
Кто убьёт во мне второго,
alter ego, кто сильней
зова злостного порока?
Сатана иль Асмодей?
Я отвлёкся. Схватки жажду
до изнеможения.

Жду и верю, что однажды
смердом разложения
я убью в себе второго —
и Душа вернется в Свет,
и, прозрев, увидит Бога,
и поймет, что Бога нет.

Стремясь к безвольным белым облакам
мечтой, хромой — как бабочка в полёте,
добро — как жизнь — я в мыслях не предаю,
слезинку радости тая в солёном поте.

Заплаты зла, брусчатка чёрных дней,
мозаика души, гримасы мима...
Добро — как свет — лишённое корней,
просачивается неудержимо.

Ломая старый иероглиф шва
и заполняя вакуум собою,
мечта напоминает, что жива,
и значит я, хромой, чего-то стою.

ОТКРЫВ ЗАБРАЛО

Вл. Васильеву

Здесь волны угрожают берегам,
а там камыш заливает бухту.
И перспективы нет ни здесь, ни там;
вопрос лишь в том, когда я рухну?
Но княжеская роль не для меня.
Тогда зачем в сердцах ломаю копьё?
Мне без работы не прожить и дня,
пожалуй, обойдусь и без надгробья.
Сегодня помогу другим пловцам,
чтоб не барахтались, теряя время, в луже,
не подражали дрогнувшим отцам,
плывя окольными путями к суше.

Смотрю в заиндевшее окно, —
окно, заиндевшее снаружи,
а это означает лишь одно:
по отношению к миру стал я стужей.
В том, как ни странно, парадокса нет.
Коль дёргаться от каждого ожога...
Грубеешь, право, это не секрет.
Обратно — лезть, так от неё изжога.
Уединиться — словно Диоген,
исчезнуть в дюнах ли — подобно Бёрнсу?..
Я чувствую наметившийся крен
и с каждым неудачным словом мёрзну.

Когда б не цепи, что Эрве Базен
воспел как долг! Любовь назвать цепями
я не могу. Не для детей презент —

побег с любимой. Мой каждый шаг огнями
означится, проклятьями — вдогон;
и не вернуть ни дочерей, ни братьев.
И только не подвластный жизни сон
дарует мне ворованное счастье.
Никто меня не в силах сохранить.
Я ухожу от всех, давно ушел я,
но каждый втайне скручивает нить,
вбивая клин в соседа, то бишь колья.
Границы собственного счастья окайма,
плюют в других, в меня, в любимых мною.
В золе я прячусь искрою огня,
чтоб вспыхнувший пожар не стал волною,
что выжжет до корней любви очаг;
он будет прав, мои мосты сжигая.
Я не спасу на сгорбленных плечах
туманный призрак солнечного рая.

К поэзии вернёмся. Хватит сил
презреть себя и лечь костью пред теми,
кто на богов взирает, как Ахилл,
и собственной не убоится тени,
кто звёздам доверяет больше, чем
наземным кривотолкам о таланте,
и не чурается затасканных дилемм
«Божественной комедии» А. Данте?
Поскольку сам затеял разговор,
я, в принципе, готов помочь любому.
Но ежели Гомер был только хор, —
примите этот хор, как аксиому;
не лезьте на рожон, приняв в штыки
Тредиаковского и Пушкина впридачу:
вокруг не просто злые языки, —
вокруг враги из неудачников, тем паче,
они постарше вас, и на слуху
их имя перевешивает ваше.
Прочтите «Отче наш» как на духу
и ангелов своих, как отче наши,
припомните пред тем, как выбрать путь —
нелёгкий путь, не обольщайтесь, братья.
Найдите силы Музе присягнуть,

как Дульсинея — Дон Кихот, за те ненастья,
что выпали на долюшку ея,
за годы притеснения и скорби.
Пусть диссидентов грубая скамья
занозит место искренним A'm sorry,
почтите память классиков иных,
задумайтесь над Джойсом, Элиотом,
прочтите исповедь поэта Петровых
и помните: вы избраны народом,
чтоб чаянья его воспеть в стихах
и волю выразить не в рабском стиле,
его вопрос решать не впопыхах,
не доверять односторонней силе.
Во всем — политика, и боже упаси
забыть о ней, идя к заветной цели
от гаммы до-ре-ми-фа-соль-ля-си
до опер виртуозности Пиццетти.
Свой не скрывая скромный потолок,
я предлагаю вам плечо и руку,
и этот несерьёзный монолог —
чтоб одолеть серьёзную науку.

О, как бы я хотел снежком в тебя влипиться
и таять от тепла, вдыхая аромат.
Кентавр копытом бьёт, не дай ему влюбиться.
В моей судьбе цугцванг, я обречён на мат.

А скоро зашуршит весенний дождь по липам,
зелёная трава проклюнет листопад,
и молодой олень по солнечным стропилам
взовьётся над землёй у тургорякских скал.

Весна возьмёт своё: торосы вздыбят устье
у горной Куштумги, впадающей в Миасс.
Кровь смоем корку ран, и боль меня отпустит
на вертикаль орла и в перспективу трасс.

Без коликов в груди вдохну озон свободы
и оглянусь назад, на снежный перевал,
где долго буксовал в сороковые годы,
но, видит бог, не зря тогда я буксовал.

На жгушем сквозняке стою, обуреваем
желанием одним: стоять на чём стою.
Я б не хотел сейчас давить себя трамваем.
Кого я, как мишень несбитая, дразню?

МЕЖСЕЗОНЬЕ

Вторые сутки снежная крупа,
как некий вид осадков межсезонья,
Тургояка апрельский профиль лба
невинно ретуширует. Засоня,
он только к маю смоем грим зимы,
и в зеркало смотрясь его рябое,
морщинок новых не заметим мы,
как в День Победы — свежий след разбоя.

Уходят в сень истории умы.
На горизонте гениев не видно.
Фасад демократической тюрьмы
демисезонный снег клюёт невинно.
Россия, обелённая с утра,
весенней непогодой объята.
Грядущая распутица — как ржа.
Страну тошнит от полиплагиата.

До умопомрачения крута
её судьба в пучине беззаконья.
Вторые сутки — снежная крупа.
Который год на сердце — межсезонье.

Не прикидывайся спящим,
добрым, любящим, родным,
чью-то жажду утоляющим
щедрости глотком одним.
Не натягивай личину
безмятежности, когда
в сердце едкая лучина
тлеет долгие года.
Если петь не в состояньи —
караоке не спасёт.
И Душе от подаянья
не осилить новый взлёт.
Благодарная обуза —
словно благородства тень.
Грозен флот при Сиракузах
в неподсудно ясный день.
Одиночество не слаще —
пагубный звучит мотив.
Не прикидывайся спящей,
боль от боли утаив.

На тебя не надыхаться,
радость грешная моя.
Обольщать и обольщаться,
утолять, не утоля.

В шепот — снежную лавиной,
в руки — млеющей душой,
в небо — трелью соловьиной,
в очи — негой затяжной,
в нежность, милость, вдохновенье,
в трепет, праздность, естество,
в мимолётное затмение,
в шелковистость, в колдовство,
в зной бездонного желанья,
в жар, томление, озноб,
в бесконечность, в ликование,
в сон,
 не надыхаться чтоб.

Словно гадкий утёнок,
отбракован роднёй,
беспокойный с пелёнок,
сросся я с западнёй.
Невезучий смышлёныш,
норовящий удрать.
Ядовитый гадёныш —
растоптать, растоптать.

Лучше б умер, — вздыхают, —
без проблем, чем вот так.
О петле намекают...
Удавиться — пустяк.
Я уже без прописки
и без жизненных виз.
Нервы рвутся на визге:
не сорвись, не сорвись!

Поминутная радость,
вековая печаль...
Я — не Дьявола пакость,
не шаманства печать.
Большинству я не нужен —
допускаю. И всё ж,
если Кем-то разбужен —
прекрати свой скулёж.

Круг обозрим, а у клубка
начало есть — конца не видно,
но — чёткий след от каблука
в душе моей, и ей обидно,
как той старухе рыбака,
что приземлилась у корыта,
намаяв бедные бока
в хоромах (участь троглодита).

В немом послании к Земле
мелькает мысль не о прогрессе, —
о тех, кто здесь на самом дне,
об отношениях в процессе
любви, работы, бытия,
о стойком уровне сознания
миллионов. Гадом буду я,
коль не вернёмся к отрицанию
пути, которым мы идём.

Смерть догонит. Господь заберёт.
Ритмы сердца. Последний аккорд.
Кто вздохнёт с облегченьем, а кто,
сжав ладони, мурлыкнет: «За что?»
Недоволен. А кто виноват?
И не вовремя, и невпопад.
Позади и друзья, и враги.
Ни дождя им в судьбе, ни пурги.
Неожиданно крут поворот.
Не откажет, поди, заберет...

Дел мирских нарастающий ком.
Время тает, итог — на потом.
Не расставить всех точек над «i»,
потому и прошу: забери.
Блики солнца на всём, что блестит.
Кто-то пенье моё не простит.
Но к чему прикасался мой взгляд,
пусть невольно — его сохранят.
Речь останется — не суета.
Забери меня, Сирота.

Дрожь — предательски, изнутри.
Только в мыслях молю: забери.
Без надежды на диалог
обращаюсь к Тебе. Мой слог,
упрошаясь до языка,
не цепляется за облака,
суховат, бескорыстен и прям.
Поколение планетян
возродится, когда Земля
сменит имя свое на...

Господи, для маленькой Души
выдели не пядь, но божий угол.
Умоляю, мною не смеси
мир волшебных, но бездушных кукол.

Раны ноют. Больно? Поделом.
Жить без боли пресно и убого.
Кем же я теперь войду в твой дом?
Жалости, угодной для любого,

не хочу. Прости меня, прости.
Слово — за слово, обида — за обиду.
Как остаток жизни утрясти
до мгновенья на пути к Аиду?

УГРЫЗЕНИЯ СОВЕСТИ

Жагала сраму.* Каменной смолой
на кончике пера Душа застыла,
и липнет к ней весь благородный слой —
от оргдерьма до ила.

Не губка Времени, не зеркало без дна, —
грехов и добродетелей копилка,
осадок очищающего сна
и тайна неразгаданного свитка —

как сумма человеческого зла,
как яд — и в нём же суть противоядья.
Но от пороков Душу не спасла
ни Вера, ни боязнь проклятья.

19.06.99

* угрызения совести.

От скуки всё, от скуки,
от неумения жить,
выкачивая звуки
из рёберной межи.
Наш зуд по обновленье
заношенных вещей,
совокупляясь с ленью,
не выведет прыщей.
И, удивляясь кóму
идей, проблем, забот —
как из огня — из дому,
а не наоборот.
Заламываем руки,
вся совесть — в стружьях лжи.
От скуки всё, от скуки,
от неумения жить.

СИДЯ У ОГНЯ

Разум выбирает не любимых, —
обожающих, желанью вопреки.
Безнадёжно плаванье на льдинах
на весеннем празднике реки.

Не скупясь, любовь транжирит лето,
утренней росой щедрость для.
Уплывает облаком карета,
унося шального короля.

Утреннюю снежную порошу
не воспринимает день всерьёз.
Солнце незаметно сушит кожу,
поры забывая солью слёз.

Я не склонен раздавать советы.
Замечаю, сидя у огня:
только полюбив во мне поэта,
в жизни можно вытерпеть меня.

Не особый запах жизни, а особенный:
что-то шепчет смятый целлофан,
мотылёк — в настольной, обезволенный,
справа в ухо — полусонный кран.

От деталей, розно сотканных не зрением,
некая вибрация идет,
заполняя пустоту томлением...
Только это вряд ли кто поймёт.

Чья-то тень — фрагментом — по фаянсовой,
негатив огня — из-под ресниц.
Видимо, забыла: не навязывай
тени, взгляда, скрипа половиц.

Одиночество моё, как зверь, пугливое.
Голос мысли уловим едва.
Птицею ночной — за переливами,
подбирая на лету слова.

Ниоткуда твари необычные
возникают, невзирая на...
окружают, перлы неприличия —
на устах, но лопнула струна,

и — произвольное мычание,
ничего не в силах произнести.
Лучшая Поэзия — молчание?
Гениальный исполнитель — Смерть?

в половине пятого не дома
сонная рука по волосам
и застыла сладкая истома
от затылка к шейным позвонкам
тишина покой груди забвенье
вековая дрёма у плеча
не объятья белое томленье
спящего калачиком луча

Очевидно: суть потолка
не крыша — рубеж, предел.
Глупо рваться за облака:
останешься не у дел.
Вообще, зачем эта высь? —
над толпою, над миром всем?
Одиночество, преклонись!
Ради равенства всех систем
не гони себя, не гони:
Заратустра — уже тупик.
И детей своих обмани,
будто выдохся ты и сник,
пусть уцепятся за звено
той цепи, на твоих ногах,
той, что ты разорвал давно
и нечаянно, впопыхах.
Подари им, что завещал,
раньше времени подари,
оторви их взгляд от мешан,
от убогости их оторви.

СМЕНА ДИСЛОКАЦИИ

Вживаюсь в новый кабинет.
Окно. Большое.
Мы притираемся. Восточный свет
моё больное
просвечивает тело. Я не гость
и не хозяин.
Обнюхиваю брошенную кость
чужих окраин.
Ответный жест неадекватно скуп:
делиться нечем.
Светильник над столом. Уют у труб.
Желанный вечер.
В черновиках не антикварный мир,
а жизни чрево.
Душа — орган, черновики — клавиш,
ночь — миг отсева.
Я незаметно к участи привык,
живу ночами.
Шлифую молча свой язык,
язык печали.

РЕТРО

Всё дальше уплывают облака,
всё суше взгляд на прелести земные,
которые, как знаки водяные,
изжѣваны не временем слегка.

Перемещаясь в сторону тепла,
граничащего с образом пустыни,
невольно вспомнишь волосы густые,
их отраженье в зеркале стекла,

и мысленно откинешься назад,
невозмутимо с памятью играя,
как бусинки, года перебирая,
и улыбнёшься, сбросив наугад

себя в любой из прожитых, и вновь
переживёшь, нимало не смущаясь
ошибок, что взыскательная старость
отыщет всюду, и не дрогнет бровь

в ответ на мимолётное струенье,
едва воспринимаемое, как
движенье мысли по наклонной бденья,
как тень минувшего, его условный знак.

P. S.

Встреть хоть раз у порога,
чтоб войти и обнять.
Не суди меня строго,
постарайся понять.
Как экзамен на зрелость
я сдаю, приходя.
Парадокс и нелепость:
я же старше тебя!
Только в руки не карты
мне вручила судьба.
Старше я многократно,—
конь седой без седла.
Долгий век мною прожит,
близок Райнера ход.
Время бает: стреножить,
мысли вторят: в расход.
Рвусь к тебе: обогреться
у любви, разум — вспять.
В одиночестве сердце
невозможно унять.
Недосказанность холю
как единственный шанс:
не спугнуть тебя болью.
Обмануть декаданс
мне пока удаётся.
Ты как будто слепа.
Но игра оборвётся
неожиданным па.
Я стою у порога.
Приоткрытая дверь.
Встреть — исчезну, ей-богу.
Вру, ей-богу, не верь.

Сентябрём летящий клин
лебединый.
На панно моей любимой
я один
ныне действующий член,
борзописец,
оттопыривший губу и мизинец,
с тенью стен.
Добела кусаю свой
локоточек,
пеплом на голову — точек
белый рой:
то ли пух от стаи — вниз,
то ли снега.
Давит тяжесть брэнной неги,
туш ресниц,
но от каждого кивка
сердце тает,
ибо, грешное, играет
у совка.
Кувырок. Икота. Свод
нарисован.
Кто-то заинтересован
в нише — под...
задушевность сентября.
Интригуя,
от кого теперь бегу я?
От себя?

Я не могу лишить тебя корней.
Оставь в кювете энного поэта.
Я временный, и потому — ничей.
Я — по природе — луч иного света.
Зачем я здесь? — Не знаю сам, поверь.
Какая миссия на мне лежит? — не знаю.
Я был бы рад открыть вам эту дверь,
но приоткрыть её должны вы сами.
И лишь когда мы встретимся в ином,
в том, параллельном, смежном, перекрёстном,
в энергетически неравном, мы поймём,
что наша встреча не была курьёзом.
Единогословия души,
претерпевая все метаморфозы,
мы выдержали тест «Не согреши»
и удаляемся в заоблачные грёзы.

Ты разбери мои руины,
прочти скрижали и прикинь,
способны ли мои седины
заполнить вакуум богинь.

Неужто мой курчавый пепел,
познавший тайны бытия,
очистит божий дар от плевел,
неординарность сохраняя,

и на волне тепла и боли
откроет женщине себя?
Судьба покинутых гнездовий —
без мистики — моя судьба.

Каратову С. Ф.

Тебя волнует седина.
мой седины мне — до фени,
поскольку возраст — не вина,
а следствие житейской лени.
Живём, работаем, творим
из год в год по распорядку.
Дальнейший путь необозрим,
ближайший следующей прядью
непроизвольно отомстит.
Вклад в поступь века незаметен.
Как будто стыдно, что — блестит,
что каждый шаг преступно бледен.

В обозначенных жизнью границах неволи
не прожить, не солгав, не смолчав, не юля.
Невозможно всю жизнь уклоняться от боли,
будет сбой — и рванёшь, всё на свете кляня,
на чужой горизонт, на чужие просторы,
на чужбину, где нет никого из родни.
Уходя — уходи. Тихо щёлкнут затворы.
На кого уповать? — огради, огради.
Отпущенья грехов не прошу, ибо глупо:
покаяние — ложь, отречение — грех.
Отрицание — рок, перспективная смута.
Так Иуда, прозрев, сквозь презрение всех
спас ученье Христа через их состраданье,
ибо только святых почитает народ.
Я живу без любви, не найдя оправданья,
по законам своим свой готова уход.

Но я уверен, что и там
мне будет не хватать чего-то.
Кто наследил по временам,
тот сам себя лишил оплота.
Куда вернуться навсегда,
где ждёт меня покой уюта?
Иссякнет нежная вода,
потянет свежесть абсолюта.
Резоны скиснут до нужды,
озябнут в страхе аргументы,
и я без видимой вражды
наймусь к уюту в оппоненты.
Брюзжа по поводу и без,
не находя и чертыхаясь,
сорвусь покорно — до чудес,
от их же тени удаляясь.

ДВОЙНИК

Это всё написано Им
в подворотне мирских глубин,
Тем, кто будит меня в ночи
приворотным огнём свечи.
Вероятно, с Душой в ладах,
прячет Он свой животный страх
перед днём средь моих бумаг,
средь таких же, как сам, бродяг.
На рабочем столе вдвоём
мы колдуем часами, пьём
крепкий кофе, некрепкий джин,
пирамиды свои вершим.
Тайный сговор нерасторжим.
Что написано Мной? Что — Им?

СОДЕРЖАНИЕ

«Сомнительное счастье не спасёт...»	5
КАРУСЕЛЬ	6
«Капризное тщеславье?...»	7
ВЗГЛЯД НА ИСТОРИЮ	8
ПРЕДМАЙСКИЙ ВЕРНИСАЖ	9
ВЕСЕННЕМУ ПРИЗЫВУ 1997 года	10
«Возвращаюсь в осень, освещённый снегом...»	11
22 СЕНТЯБРЯ	12
ЭКЛОГА (осенняя)	13
«Не все поэты умерли...»	14
ЖРИЦА ЛЮБВИ	15
ЛЕБЕДА-СТРОКА	16
«Не искушать, а искушенным быть...»	17
«Я без паузы — тенью вслед...»	18
НЕ ПРИБЛИЖАЙСЯ	19
ВОЛНОЛОМ	20
«Язык костра в дождливый день...»	22
«Зеркальной капелькой молчанья...»	23
«Кто ты, Ангел или Смерть...»	24
«Я ночевал на облаке...»	25
«Ты готовишь побег...»	26
РАЗРЫВ	28
«Боготворя и воздавая...»	29
«Мне только кажется, что я иду своим путём...»	30
«Откуда столько смелости...»	31
ГОРИЗОНТЫ	32
«Солнце в пасмурный день...»	33
«Почти нетайное свиданье...»	34
«Скоро выпадет снег...»	35
«Ты примешь в жизни всё...»	36
«Тесты счастья близоруки...»	37
МАСКИ	38
«Полуобморок зевка...»	40
ВЕТЕР	41
«Летающий параллельным курсом сон...»	42
В ЦЕЙТНОТЕ	43
СНЕЖНЫЙ ШЕПОТ	44

«Вот так живу и не живу...»	48
«Я вырублю все эти тополя...»	49
ПОЛЕТ	50
«Умру, когда — достанет...»	51
О ВЕЧНОМ	52
«Вот я рушится всё...»	53
«Вы хотите жить в саду...»	54
ВАМПИР	55
«Я в безмолвье по колено...»	56
«Не зарекайся: мол, последний шанс...»	57
ОТРАЖЕНИЕ	58
ТЕПЛАЯ ВОЛНА	59
«Алой капелькой у губ...»	60
«И не дождавшись полустанка...»	61
«То не ветер с тобою играет...»	62
«Безусловная условность...»	63
«Не снег — подобье, мелкая крупа...»	64
НА ПЕРВЫЙ СБОРНИК	65
БЕЗ ФРЕЙДА	66
«Стремясь к безвольным белым облакам...»	68
ОТКРЫВ ЗАБРАЛО	69
«О, как бы я хотел снежком в тебя влестись...»	72
МЕЖСЕЗОНЬЕ	73
«Не прикидывайся спящим...»	74
КАЖДОМУ — СВОЕ	75
«На тебя не надыхаться...»	76
«Словно гадкий утёнок...»	77
«Круг — обозрим, а у клубка...»	78
«Смерть догонит. Господь заберёт...»	79
«Господи, для маленькой Души...»	80
УТРИЗЕНИЯ СОВЕСТИ	81
«От скуки всё, от скуки...»	82
СИДЯ У ОГНЯ	83
«Не особый запах жизни, а особенный...»	84
«в половине пятого не дома...»	85
«Очевидно: суть потолка...»	86
СМЕНА ДИСЛОКАЦИИ	87
РЕТРО	88
P. S.	89
«“Прошу Вас стать моей...”»	90
«Сентябрём летящий клин...»	91
«Я не могу лишить тебя корней...»	92
«Ты разбери мои руины...»	93
«Тебя волнует седина...»	94
«В обозначенных жизнью границах неволи...»	95
«Но я уверен, что и там...»	96
ДВОЙНИК	97

Петров Алесандр Павлович
СНЕЖНЫЙ ШЕПОТ
Стихотворения

Редактор-составитель *Н. А. Ягодинцева*
Фото *Н. Берегатнова*
Верстка *В. Б. Феркель*

ISBN 5-93162-019-7
Лицензия № 066043 от 03.09.98 г.
Подписано в печать 24.07.03 г.
Формат 84 × 90_{1/32}
Гарнитура Таймс.
Усл.-печ. л. 4,38.
Тираж 300 экз.

Издательство «Библиотека А. Миллера».
454091, г. Челябинск, ул. Коммуны, 69.
Отпечатано в типографии «Фотохудожник».
454091, г. Челябинск, ул. Свободы, 155б.